

Выборы в Мексике и транзит власти

Мы публикуем статью наших испанских товарищей из газеты El Internacionalismo.

Идёт «самый крупный в истории электоральный год» (*The Economist*), более половины населения планеты вызваны к урнам. Как и во многих других странах, в Мексике на первый план выходит проблема *равновесия властей* империалистической демократии. Это вопрос защиты *плюрализма* интересов доминирующих групп буржуазии и в то же время поиска их эффективной политической *централизации*.

Ребус властей

В книге “Crisi globale e ristrutturazione europea” (ed. Lotta Comunista, 2013), отталкиваясь от теоретических разработок Арриго Черветто о «*плюралистической централизации*» буржуазных интересов, мы подчёркивали, что централизация сама по себе в диалектике *неравномерного экономического развития и неравномерного политического развития* «никогда не решается окончательно»: «Каждая группа или фракция регулярно пытаются повлиять на политические власти или направить их в свою пользу; генеральная линия каждой метрополии империализма не возникает априори, а является результатом политического процесса, политической борьбы, которые находятся в постоянной динамике нарушений равновесия и корректировок. Это настолько верно, что ключевые в империалистическую эпоху функции, которые связаны с валютой, как правило, доверены отделённой и независимой монетарной власти центральных банков, защищённой от влияния частных интересов и случайных колебаний».

Глобальный кризис 2008 года вернул «на передний план теоретические вопросы империалистической демократии и неравномерного политического развития». Сегодня они на переднем плане во многих восходящих державах, но каждый отдельный случай необходимо анализировать, учитывая: конкретные уровни развития; институциональное устройство и политические традиции; партии, группы и даже личности, которые воплощают экономические и политические власти.

В Аргентине президент-«анархо-капиталист» Хавьер Милей в конце июня подписал “базовые законы”, добившись от законодательной власти одного года чрезвычайных полномочий для проведения налоговых реформ и приватизации. В прессе истеблишмента звучат надежды, что Милей сможет частично преодолеть *нарушения равновесия*, накопленные за десятилетия со времён перонизма, но скептически относится к планам «*долларизации*» экономики, которые предполагают закрытие Центрального банка.

В Бразилии Лула то и дело конфликтует с монетарной властью по вопросу снижения ставок: президент хочет увеличить государственные расходы, но получает “предупреждения” насчёт налоговой дисциплины. В Турции Конституционный суд высказался против указа Реджепа Тайипа Эрдогана об отставке главы Центрального банка, которая не уступала под его давлением. *The Economist* празднует «*триумф демократии*» в Индии, где партия Нарендры Моди потеряла абсолютное большинство, что отныне обязывает её вести переговоры со многими политическими силами: «*угроза автократии*» предотвращена.

Морена – новая ИРП?

Мексика является второй по величине экономикой Латинской Америки, двенадцатой мировой державой по размеру ВВП по паритету покупательной способности (3 триллиона долларов) и десятой – по численности населения (почти 130 миллионов жителей). Прошедшие в июне президентские выборы вызвали как надежды, так и беспокойство касательно состояния молодой «*демократии*», выросшей из долгого переходного периода (1977–2000) после «*71 года однопартийного режима*» (*Financial Times*) Институционно-революционной партии (ИРП), основанной в 1929 году. Мексиканская и западная финансовая пресса опасается, что популистское движение “Морена” (“Движение национального возрождения”, основано в 2014 году), закрепившееся в правительстве на второй шестилетний срок, причём с квалифицированным большинством в Палате депутатов и абсолютным большинством в Сенате, может провести пакет конституционных реформ, которые усилят исполнительную власть в ущерб судебной и другим институтам. Учитывая грядущую передачу президентского кресла основателем Морены Андресом

Мануэлем Лопесом Обрадором (род. 1953, Тепетитан), иначе известным как АМЛО, его наследнице Клаудии Шейнбаум Пардо (род. 1962, Мехико), *The Economist* опасается «однопартийного правительства» Морены, которая будет иметь «широту власти, невиданную со времён падения ИРП».

В частности, газета переживает за экономическую политику в рамках энергетической и цифровой реструктуризации – так называемого *зелёного перехода* – и за роль, которую будут играть государственные предприятия и частные инвесторы. К этому добавляется тема безопасности: каждый год в Мексике совершается 30–35 тысяч убийств (полмиллиона с начала века), в основном связанные с организованной преступностью “наркос”, что также является симптомом запоздалой *модернизации*, питающей политические нарушения равновесия. В ходе электоральной кампании, включавшей также выборы во все муниципалитеты (*аунтамыенто*) и локальные правительства восьми штатов и города Мехико – порядка 20.000 назначений, – были убиты четыре десятка кандидатов, из них двое – в день выборов. Однако, пишет *El País* – испанская газета со своей редакцией и издательством в Латинской Америке, – «экономическая бонанза», обеспечивающая высокие социальные расходы, взяла верх над беспокойством из-за насилия.

Два Обрадора ...

Страхи перед «национал-популистскими элементами» Морены уже отмечались во время избрания Обрадора (“Пролетарский интернационализм” № 50. Октябрь 2018). Тогда мы обращались к оценке Альберто Нуньеса Эстевы, бывшего президента мексиканской конфедерации промышленности Соратех: есть «два Лопеса Обрадора: один – кандидат в президенты, другой – избранный президент»: «это два разных человека». Сегодня Соратех выступает в числе голосов, озвучивающих страхи за «юридическую безопасность» реформ, предложенных Обрадором, но в то же время, пишет мексиканская газета *El Financiero*, «положительно» оценивающих смену правительства и приход к власти Шейнбаум.

Несмотря на политическую близость с Бразилией Лулы, для Мексики именно она остаётся основным конкурентом в Латинской Америке. Но если Бразилия с проектом региональной интеграции МЕРКОСУР более ориентирована на Атлантику, то Мексика возвращает собственный торговый альянс в направлении Пацифики.

Тем не менее, самые крепкие отношения по-прежнему связывают Мексику с Северной Америкой – ранее в рамках НАФТА, а ныне в рамках соглашения USMCA (США – Мексика – Канада) Дональда Трампа. Особенный вес имеет взаимопроникновение между автомобильной промышленностью США и мексиканскими “макиладорас” – ориентированными на экспорт фабриками с иностранным капиталом, которые напрямую обеспечивают три миллиона рабочих мест, половину промышленного сектора страны.

Ещё до выборов газета *Foreign Affairs* подчёркивала: «Мексика заменила Китай в качестве основного торгового партнёра Соединённых Штатов, с годовым оборотом более 900 миллиардов долларов». Стремление обеспечить большую «безопасность цепочек поставок» стимулировало прямые инвестиции в страну, которые составили «более 35 миллиардов в год в 2022 и 2023 годах и которые продолжают расти в 2024-м». Через посредничество Мексики США организуют цепочки поставок, задействующие всю Латинскую Америку, в «стратегических секторах», таких как «аккумуляторы большой ёмкости, электромобили, полупроводники и фармацевтика».

Когда в начале 2023 года Лула и тогдашний президент Аргентины перонист Альберто Фернандес предложили создать SUR – валютный союз для торговых отношений, Обрадор незамедлительно ответил: «По многим причинам мы должны продолжать ориентироваться на доллар».

... и четыре Шейнбаум

Как пишет *Foreign Affairs*, Обрадор не продвигал размещение промышленных мощностей в соседних странах, политику так называемого “ниаршоринга” – слова, постоянно присутствующего в мексиканских дебатах. Шейнбаум, напротив, будучи мэром столицы, показала готовность «сотрудничать с правительством США», по меньшей мере на фронте борьбы с “наркос” и по вопросам «безопасности», которая, добавим, в американской электоральной гонке цинично связывается с иммиграцией с Юга. С приходом нового

президента возникает возможность «восстановить отношения между двумя странами», чтобы «усилить экономические связи» и «стимулировать зелёный переход в Мексике».

CFE (электричество) и PEMEX (углеводороды) являются крупными государственными энергетическими компаниями. Обрадор ренационализировал часть производства электричества, снова сконцентрировав в руках государства контрольный пакет и развернув вспять реформу 2013 года, начатую при президенте Пенья Ньето из ИРП. По мнению *El País*, эта реформа является «смыслом существования» Морены, которую газета называет воплощением некоего «мексиканского перонизма». Шейнбаум, напротив, говорит о своей готовности к диалогу с частниками и поддерживает независимость Центрального банка.

Та же *El País* выдвигает гипотезу о четырёх этапах или «четырёх Клаудиях»: как кандидат она стремилась показать свою преемственность с Обрадором; как новоизбранный президент она уточнит налоговые поправки, которые она намерена осуществить; укрепившись в должности, она сформирует «переходный кабинет», который будет уважать наследие предыдущей политики; наконец, «четвёртая Клаудия примется за работу через 18 или 24 месяца, когда будет ощущать свой контроль над всеми кнопками президентской приборной панели».

Однако никто не говорит, что *транзит* от Обрадора к Шейнбаум поможет развеять сгустившиеся над Мексикой тучи нарушения равновесия.

ИСТОКИ ШЕЙНБАУМ

Клаудия Шейнбаум добилась подавляющей победы. 36 из почти 100 миллионов имеющих права голоса проголосовали за неё – это на 6 миллионов больше, чем результат Обрадора в 2018 году, почти в два раза больше, чем результат её главной соперницы Ксочитл Гальвес Руис (род. 1963, Тепатепек), и значительно больше прогнозов в соцопросах.

Мексиканская финансовая газета *El Economista* перечисляет факторы, определившие её победу: популярность, накопленная за годы правительства Обрадора (2016–2024), до 60 % на соцопросах; потеря престижа традиционными партиями, такими как ИРП, правая ПНД («Партия национального действия», исторический соперник ИРП) и ПДР («Партия демократической революции», 1989 – осколок левого крыла ИРП, из которого вышел и сам Обрадор). «Широкая национальная сеть» Морены, которая сегодня управляет двумя третями федеральных субъектов, в том числе столицей, охватывает три четверти населения.

Наконец, сыграл и сам образ Шейнбаум, «серьёзного кандидата» (*El Economista*), отличающегося сформированными за годы академической карьеры «кальвинистским трудолюбием и научной строгостью», благодаря которым она должна «принимать решения на основе данных» (*El País*). Она закончила бакалавриат по физике и магистратуру по энергетическому инжинирингу в Национальном автономном университете Мехико (НАУМ), аспирантуру по природоохранному инжинирингу в Беркли и активно участвовала в Межправительственной группе экспертов по изменению климата ООН, а затем вернулась в НАУМ для преподавания.

В её биографии присутствуют и страницы политического активизма. Со времён студенчества она входила в круги, которые были «кузницей кадров правительства АМЛО» (*Clarín*), а её мать – известный биолог Анни Пардо, исключённая из НАУМ за разоблачение резни студентов на площади в Тлателолько в 1968 году, где войска и полувоенные формирования, связанные с режимом ИРП, убили 44 человека.

В 1990-е годы она присоединилась к ПДР, а в 2014 году последовала за Обрадором в Морену. Будучи главой правительства округа Мехико (2000–2006), Обрадор назначил её министром окружающей среды. Десятилетие спустя Шейнбаум сама возглавила столицу (2018–2023), самый крупный город страны, в котором проживает 9 миллионов человек.

Она не только первая женщина-президент Мексики, но и, как подчёркивается, «первая из потомков евреев» на этом посту. «Родители её отца – из ашкеназов – эмигрировали из Литвы в начале XX века, а родители матери – из сефардов – бежали от нацистского Холокоста из Болгарии в 1940-е годы» (*Folha de S. Paulo*).

Российские историки Виктор и Лазарь Хейфецы («*América Latina en la Internacional Comunista 1919–1943*», Ariadna Ediciones, 2015) пишут, что её дед по отцу Хонас (настоящее имя Хуан Шейнбаум Абрамовиц) эмигрировал по экономическим мотивам сначала на Кубу, а затем в

Мексику. Член Компартий обеих стран, он был исключён из КПМ в 1940 году, обвинённый в руководстве «фракцией, которая, как говорили, следовала директивам троцкистов», и реабилитирован в 1960 году после десталинизации.

Июль – август 2024 г.